

АНТОЛОГИЯ

20

Эрнст Генри

Стерилизация человека

*Scan: Андрей Бурцев. andre1954@mail.ru; Spellchek: Хас.
has@ukrsat.mk.ua*

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137478

*Библиотека современной фантастики Том-20: Издательство
ЦК ВЛКСМ "Молодая Гвардия"; Москва; 1971*

Эрнст Генри

Стерилизация человека

* * *

Эта книга – сборник фантастических повестей и рассказов. Я не литературный критик и потому не могу претендовать на право художественных качеств. Но художественная и научная фантастика наших дней, если она серьезна и талантлива, где-то неизбежно переходит в политику, и тогда историк-публицист вправе высказать свои впечатления. Больше того, грани между фантастикой и действительностью теперь так часто стираются – не только в науке и технике, но и в политике, – что публицист волей-неволей то и дело вынужден вмешиваться как будто не в свое дело. Ему приходится писать о том, как великое и грандиозное в современной истории соприкасается с чудовищным.

Это не так просто. Времени оглянуться назад и всмотреться в безбрежную даль, осмыслить происходящее до конца, глядеть через грани столетий у публициста, как правило, нет. То, что пишешь, и по глубине, и по широте взгляда далеко отстает от того, что надо бы написать. Идти в ногу с захватывающей дух

действительностью конца XX века трудно; приходится не идти, а нестись. Многого еще не видишь, измерить другое еще нельзя. Но кое-что сказать о чем-то важном в современной западной фантастике все же стоит.

В этот сборник входят два романа и несколько рассказов. Не все они одного жанра, и не все одинаково талантливы. Что-то общее почти во всех тем не менее есть; чем больше вчитываешься, тем больше общее бросается в глаза. Постепенно начинаешь понимать: из книги западных писателей сквозит страх перед научно-технической революцией.

Страх перед той самой революцией, которая, по мнению большинства философов и политиков современного буржуазного мира, должна стать для него золотым дождем, разрешить его противоречия, открыть для него эру невиданного благоденствия. Страх перед чем же? Перед тем, куда эта революция может завести старое классовое общество. Вот почему данный сборник можно считать не только художественной, но и политической литературой.

Перед нами, например, два рассказа датского писателя Нильса Нильсена, считающегося ведущим скандинавским фантастом. Один из них – о действующей в третьем тысячелетии нашей эры в городе А-14 (бывшем Брюсселе), в некоем “универсальном автоматиз-

зированной государстве”, “размножительной фабрике”. Фабрика принадлежит к системе “министерства нормирования людей” и механическим способом, сотнями тысяч, производит стандартных мальчиков и девочек. Дети еще в зародыше проходят мозговую стерилизацию, лишены способности самостоятельно мыслить, полностью утратили силу воображения; не умеют играть, не умеют плакать, не знают слова “неповиновение”. Воспитывают их электронные няньки-роботы. Читателю становится страшно. Он видит двигающийся, говорящий, но духовно мертвый мир. Наука накормила и даже перекормила человека, но она же его и убила. Не лучше ли жить без науки, без стремления идти вперед, без мечтаний?

Другой рассказ того же автора – о концерте, который в 2141 году дает последний существующий на Земле живой музыкант. Вся музыка уже давно автоматизирована, играют одни машины и роботы, великие классики совершенно забыты. Исполняются только ходячие, предельно несложные танцевальные мелодии вроде “Умба-ум” или “Би-ба-бу”. Последний живой музыкант играет скрипичный концерт Бетховена. Играет – и после короткого оце-пеяения в зале вызывает у публики гомерический смех, переходящий в свист и шиканье. Его не могут понять. Машины побеждают. Люди “автоматизированного государства” уме-

ют танцевать, но разучились чувствовать.

Действие еще одного произведения – “Гибель 31-го отдела” – происходит уже не в далеком будущем, а, видимо, еще в нашем веке. Под видом фантастического детектива описывается нынешнее высокоразвитое “индустриальное общество” Запада. Автор этого выделяющегося своей динамической сжатостью и злой сатирической остротой романа – шведский писатель Пер Валё. Он пишет о нашем времени. Но и у него тот же испуг перед автоматизацией жизни в его мире.

В глаза читателю глядит еще одно чудовище: гигантский пресс-концерн, захвативший всю печать и все издательское дело в своей стране и уже не знающий конкуренции. Свобода слова существует теперь только для него одного; газет и журналов, ему не принадлежащих, больше нет. Он и есть общественное мнение. Печать еще не так стандартизирована, как музыка и воспитание детей в рассказах Нильсена, но дело идет именно к этому. Исполинская психологическая машина душит все. Последние самостоятельно мыслящие писатели, журналисты, критически настроенные публицисты, ищущие подлинные факты репортеры еще живы, но и их покупают – и обманывают. Загнанные на чердачный этаж занимаемого пресс-концерном небоскреба, они все еще лихорадочно пи-

шут, критикуют, обвиняют, все еще пытаются говорить правду – но уже только для самих себя. Им платят, и платят немало, их статьи набирают, но не печатают. В конце концов концерн их убивает.

Машина ломает человека и тут. По сути дела, и Валё, и Нильсен говорят об одном и том же: о том, что когда-нибудь придет, если руль научно-технической революции останется в руках капитала и его общества. Придет конец настоящей культуры.

Особняком в сборнике стоят рассказы двух норвежцев, известных своими прогрессивными взглядами, – Юна Бинта и Тура Оге Брингсварда: первый рассказ (“Буллимар”) – о судьбе изуродованного лучами солнца космонавта, второй (“Бумеранг”), искрящийся воображением рассказ о придуманном негритянским ученым небывалом способе мести расистам. И в том и в другом рассказах меньше пессимизма, нет испуга перед действительностью.

Но центральное место в сборнике занимает другое произведение. Это – последний роман шведской писательницы Карин Бойе “Каллокаин”, написанный тридцать лет назад. Захватывает он с первых же слов, и сегодня он не менее актуален, чем в то время, когда писался.

Карин Бойе умерла в 1941 году. В Советском Союзе ее до сих пор знают только как поэтессу и автора

небольших рассказов. Против ее книги можно выдвинуть ряд возражений, и я тоже их выдвину. Тем не менее я считаю, что это одно из наиболее сильных произведений западной литературы за последние десятилетия. Совершенно бесспорно, во всяком случае, что “Каллокаин” – крупнейшее антифашистское произведение. Шведская писательница обладала большой внутренней мощью.

Карин Бойе пишет о некоей тоталитарной Мировой Империи, существующей неизвестно где и неизвестно когда. Многое в ней напоминает идеи Гитлера о “тысячелетнем райхе” и корпоративные идеалы Муссолини. Карин Бойе писала эту книгу в год, когда Гитлер ринулся на западную половину Европы – Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию – и готовился к тому, чтобы наброситься на другую половину, начав покорение мира. Весь Запад в то время дрожал перед ним, считая его непобедимым. Очевидно, это отразилось и на шведской писательнице.

Но Мировая Империя Карин Бойе затмевает тогдашний гитлеровский рейх. Это роман не о раннем фашизме; не о том фашизме, который видело наше поколение, который еще только борется за мировое господство, но не побеждает. В книге Бойе изображен фашизм, доведенный до конца; вросший в почву, расправившийся с врагами, достроивший свое царство;

фашизм, который мы не увидели. Каков он?

Карин Бойе пишет спокойно, задумчиво, даже тихо; нигде не нажимает на педаль, никогда не вскрикивает. Стенаний и проклятий у нее не найти. Эта писательница в полной мере владеет тем литературным приемом, который англичане называют “силой недозувеличения”: умением удваивать впечатление, понижая голос. Ошибочно считать, что ее повесть – сатира или гротеск, как говорится в одной из шведских работ по истории литературы Швеции; она ни то, ни другое. Скорее всего ее можно назвать сновидением глубоко испуганного человека. И о сне этом рассказывает кто-то, кто сам взят из сна. Герой повести, от имени которого ведется рассказ, – вначале фашист, и даже преданный, убежденный фашист. Он искренне считает тоталитарное корпоративное государство, в котором живет, естественным и разумным. “Так надо, так хорошо”, – думает он. Тем страшнее то, о чем он рассказывает.

Это чудовищное государство. Смутно говорится о том, что возникло оно после какой-то “великой войны” (не после второй ли – снилось писательнице?), знаменуя конец “цивильно-индивидуалистической эпохи”. Новый, военно-корпоративный порядок действует уже много лет. Он прост. Со всеми свободами покончено навсегда. Каждый житель подчи-

нен строжайшей казарменной дисциплине, все города, как дивизии, под номерами. Есть города химиков, города текстильщиков, обувщиков, мукомолов. Каждый город закрыт для остального мира и по краям опутан колючей проволокой. Выехать, из одного в другой простым жителям нельзя.

Когда население какого-то города из-за нехватки рабочей силы или нарушения предписанного соотношения полов приходится пополнить за счет населения из другого места, отобранные властями переселенцы покидают своих близких навсегда; больше они их не увидят и едва ли о них услышат. Всех вновь прибывающих в город сопровождает полиция. Право па разъезды (под особым наблюдением) имеют только служащие транспортных линий, но и те живут в специальных городах. Люди на все времена разделены на не соприкасающиеся Друг с другом профессии.

Вся жизнь, с утра до утра, проходит под ежеминутным надзором фашистской полиции. Надзор не утаивается. На стенах в каждой квартире висят аппараты “ухо полиции” и “глаз полиции”, работающие при свете и в темноте. Полиция видит все, слышит все, знает все, и это уже норма. Введены и другие правила. Каждый обязан доносить на другого: жена на мужа, сын на отца, сосед на соседа. Так и живут. Все горничные на службе полиции; каждую неделю они по-

дают рапорт о семье, в которой живут. Им же дано право вскрывать все письма. Почтовая связь между людьми, однако, почти прекращена. Цензура пропускает только письма, содержащие короткие, деловые и проверенные сообщения.

На всех жителей заведены досье. Здания с секретными картотеками занимают огромные пространства. На организованных властями собраниях – других не бывает – в каждом из четырех углов сидит наблюдатель.

Изобретен новый способ допроса: укол препаратом каллокаин, после чего у людей сразу и совершенно безболезненно развязывается язык. Изобретатель каллокаина – он же герой романа – с удовлетворением отмечает: “Мысли чувства больше не будут принадлежать нам одним, наконец-то будет покончено с этой нелепостью!.. Как могут они быть личным делом каждого?” Вслед за изобретением каллокаина издается закон о “преступных помыслах” и “антиимперском складе характера”. Закон с обязательной силой применяется при следствии и в судопроизводстве. Газеты извещают население: “Мысли могут быть наказуемы”.

Но на мысли времени почти не остается. Каждый час в жизни человека распределен с математической точностью. Все для него решено – на время после работы тоже. Пять вечеров в неделю он или она являет-

ся на военную или полицейскую службу. Отсюда такие гигантские масштабы официальной полиции: каждый – полицейский против другого. Один вечер проводится на фашистских собраниях и торжествах. В последний вечер недели можно оставаться дома и вести семейную жизнь. Но любви между супругами – той, которую люди знали в “цивильно-индивидуалистическую эпоху”, – уже нет или почти нет. Есть только сожительство, также совершаемое под непрерывным наблюдением “глаза полиции”. Брак все еще нужен для деторождения, точнее – для пополнения имперских людских резервов. Любовь помимо и сверх этой цели считается ненужной и даже опасной романтикой, пережитком каменного века. “Среди нас бродят неандертальцы”, – говорят фашисты о тех, кто еще думает о любви в старом смысле.

Нет больше в семейной квартире и детей – по крайней мере, детей старше семи лет. По достижении этого возраста мальчики и девочки отделяются от родителей и переводятся в Унгдомслэгер, где их делают дисциплинированными солдатами. Дети до семи лет, оставаясь с семьей, воспитываются на детских площадках, где их учат взрывать игрушечные бомбы, поджигать игрушечные дома и играть с игрушечными торпедными катерами.

Личную жизнь заменяет фашистская казарма. Все

ходят в форме. Все живут до инструкциям. Каждый – точно прилаженный винтик одной гигантской, неизвестно куда и неизвестно зачем движущейся машины. Можно только работать, служить и плодить потомство. Ради чего, знает только невидимая, всемогущая верховная власть фашистов. Имена главных властителей даже не называются, на виду только их помощники, чиновники и полицейские.

Тоталитарная фашистская олигархия царствует, как не царствовал до нее еще никто. Ее главные орудия – техническая наука, фашистская пропаганда. Власть невидима, но всем видим террор. Каждый знает и постоянно думает о нем. Это поощряется. Террор уже так же привычен, как ночь. Людей судят и уничтожают как “неполноценных” не за какие-либо антигосударственные деяния – таких как будто в действительности уже не бывает, – а за то, что они в чем-то не похожи на полноценного робота.

Таков порядок Мировой Империи. Но главное уже даже не это.

Завершенный фашистский деспотизм не только отнял последние остатки свобод у людей. Он же только наглухо замуровал страну, лишив ее света, не только убил культуру и покончил с личной жизнью каждого. Нет, говорит видящая этот сон Карин Бойе, он сделал и другое: произвел античеловеческий переворот

в психике людей. Это и становится главным.

Человек, сохранившийся в тоталитарном фашистском государстве, будет умственно и нравственно искалечен. Переродившись, он делается таким, каким хотят его видеть фашисты.

Вот, по словам Карин Бойе, мысли и ощущения такого исковерканного, подвергнувшегося фашистской стерилизации человека: “Империя – это все, отдельная личность – ничто... Никто не может считать, что его жизнь представляет ценность сама по себе...”

“Что за бессмысленное ребяческое желание – непременно иметь кого-то, кому можно доверять все... Священная и необходимая основа существования Империи – это взаимное и обоснованное недоверие друг к другу... Некоторые люди опасны и тогда, когда молчат, – даже их взгляды, их движения источают яд и заразу... Никто старше сорока лет не может похвастаться чистой совестью”.

“Тот, кого никто не боится, не может вызвать уважения, потому что уважение строится на признании силы, власти, могущества, а сила, власть и могущество всегда опасны для окружающих... Страх, который действительно время от времени появляется буквально у каждого, вполне может быть обращен на пользу”.

Таково лицо прошедшего через фашистскую маши-

ну человека. Рисую его облик, взятый как будто из галлюцинации автора “Майн кампф”, Карин Бойе по-прежнему не повышает голоса, все еще старается казаться только тихим рассказчиком-летописцем. Но ей уже трудно сдержать себя. “Пустота и холод, мертвящий холод, полный ненависти, – записывает ее герой. – Одинокие производят еще более одиноких, запуганные – еще более запуганных... Силы смерти распространяются все шире...”

Мир мертв, но дышит.

Ради чего? Опять встает тот же вопрос. В чем цель тех, кто владеет таким миром? По-видимому, в том, чтобы вести войны и захватывать чужие страны. Роман “Каллокаин” кончается тем, что соседнее с Мировой Империей другое, тоже тоталитарное государство, внезапно нападает на родину героя, захватывает страну в течение нескольких часов (великая тоталитарная империя оказывается трухлявой) и насаждает свой собственный порядок – не лучше, чем был, но под другим флагом. Становится ясно, что непрерывные военные упражнения и колоссальные вооружения, над производством которых из года в год по указу фашистов трудилось все население, были бесполезны. Внешний враг, еще более сильный, еще более безжалостный, побеждает. Один фашизм сменяет другой. Где и когда кончается дорога в Никуда? Герой

повести этого не знает. Запертый в глубокую подземную тюрьму, он продолжает работать над новыми инструментами смерти и террора, теперь уже для врага.

Карин Бойе написала сильную, волнующую книгу. Она была крупным писателем, и шведская литература вправе ею гордиться. Ее фантастика близка к исторической действительности, молнии которой мы увидели на горизонте в 40-х годах. И все же в чем-то важном я, как антифашист, не могу с ней согласиться.

С большой художественной силой, с глубокой, сдержанной, то есть самой сильной страстью, она восстает против царства смерти, которое намеревался создать на земле Гитлер и о котором и сегодня мечтают его ученики в разных странах. Но сама Карин Бойе тоже заражена страхом, хотя и не перед полицией, а перед чем-то другим: страхом перед будущим. Ее гнетет неверие в людей.

На Западе этот страх уже давно стал модой. Многие писатели и философы находят свое призвание в том, чтобы его распространять и отстаивать. Читая их книги, замечаешь, что это занятие доставляет им какое-то неврастеническое удовлетворение и что кое-кто из них даже сам собой любит. Любоваться нечем – король гол. Культура страха всегда была характерна для угасающего общества и его эстетов. Те, кто не движется вперед, боятся смерти.

Карин Бойе не принадлежала к числу легковесных писателей, щеголяющих своим пессимизмом. Она была искренним и прогрессивным человеком. Она хотела предупредить современников о нависшей над ними угрозе. Тем не менее она испугалась своей собственной фантастики. Говорят, что с некоторыми эмоциональными людьми, захваченными своими видениями, это бывает. Но дело здесь, конечно, в чем-то более глубоком и принципиальном, чем в личных особенностях и настроениях автора. На этом нужно остановиться.

* * *

Нельзя сказать, что Карин Бойе, рисуя призрак чудовищного фашистского общества, не оставляет людям никаких надежд, то есть, по существу, отказывается от них, как делают сейчас многие на Западе, Это не так. Она все-таки чего-то впереди ждет и на что-то надеется.

На восстание, бунт? Нет. Это, судя по всему, она исключает. Люди в законченной тоталитарной империи на это, по ее мнению, уже не способны, их переделали. Большинство стало полуавтоматами. Они не живут, а функционируют, не думают, а боятся, не мечтают, а доносят. С ними делают что хотят, и они свы-

клись с этим. Но есть, говорит Карин Бойе, и другие. Они тоже не сопротивляются деспотизму политическим оружием, тоже не помышляют о бунте. Но где-то в тайниках их душ, неясно даже для них самих, тлеют остатки естественных, неискаленных человеческих чувств: любовь к близкому, жажда счастья, стремление к творческой свободе, наконец, элементарная порядочность. Каким-то чудом в Мировой Империи к изумлению родителей все еще подчас вырастают неунитарные, своеобразные дети. Неожиданно же на вдруг отказывается доносить на мужа. Кто-то что-то скрывает. Таких людей хватают и увозят. Но подымутся ли они на тиранов? Карин Бойе считает, что нет. Все, на что они способны, говорит она, – это тихий мистицизм.

Такое видит в будущем Карин Бойе. Верит ли она в некое религиозное возрождение в тоталитарной империи? Вполне возможно. Известно, что писательница интересовалась проблемами христианской философии. Ясно, во всяком случае, что в своей книге она мучительно ищет хоть проблеска надежды для “тотализированного” человека. Изобретатель каллокаина кончает свои записки словами: “Я не могу, не могу изгнать из своей души веры в то, что вопреки всему, когда-нибудь я еще буду среди тех, кто создает новый мир”. Но это только робкая надежда. На книге Карин

Бойе лежит отпечаток глубокой, безысходной тоски. Она боялась...

И ее можно понять. В дни, когда она писала “Каллокаин”, фашизм находился в зените своей мощи. Гитлер стоял у ворот ее собственной страны. Как уже говорилось, книга вышла в Швеции в 1940 году. Норвегия и Дания, ближайšie к Швеции страны, были захвачены, в соседней с востока стране, Финляндии, господствовала объединившаяся с гитлеровской Германией реакция, все европейское небо было черно от туч, Квислинги шевелились и в самой Швеции. Многие люди – как много тогда их было! – считали, что противостать нацизму вообще невозможно, что он придет и останется на столетия. А жить ему оставалось пять лет.

Карин Бойе не могла этого знать. Едва ли это аргумент. Как умная, страстная антифашистка, она могла бы это предвидеть или хотя бы предчувствовать, и тогда в ее книге не было бы столько тихого отчаяния.

Мы не хотим ее винить. Научно-политическое мышление было, вероятно, ей чуждо. Хотя в свое время Карин Бойе была генеральным секретарем основанного Барбюсом объединения прогрессивных писателей “Клартэ”, в левом рабочем движении она не участвовала. Написав “Каллокаин”, она сделала для антифашизма все, что было в ее силах, – и это было

немало. Ее роман, несомненно, еще будет приносить свою пользу. Книга хороша как предостережение. Но мы должны помнить о другом. Идеология страха, идея почти полного человеческого бессилия перед лицом тоталитарной угрозы, как и перед лицом угрозы термоядерной войны, – это не наша идеология. Тех, кто ею заражен, она действительно ведет если не к капитуляции, то к гибели. Никакой религиозный или полурелигиозный мистицизм их не защитит.

В какой бы маске фашизм ни появлялся, он победим. Если бы шведская писательница прожила еще несколько лет, она сама убедилась бы в этом. Если бы она углубилась в историю мира, из истоков которой и рождается художественная литература, она увидела бы, что передовой, стремящийся ввысь человек уже тысячу раз побеждал античеловека-мракобеса, какими бы армиями, полициями и машинами тот ни обладал. Таков закон истории, отменить который никому не удастся. В конечном счете история говорит именно за оптимизм, а не за пессимизм, хотя и требует за это немало крови и очень часто покрывается сплошь черными тучами. Человек выживает и продолжает идти вперед.

Надо учесть, что таких писателей, как Карин Бойе, на Западе немало и теперь. Это хорошие и талантливые писатели. Они искренне ненавидят фашизм,

задыхаются, когда представляют себе жизнь под его властью, и всей душой стоят за демократию и гуманизм. Таковы и их книги.

Но одного этого мало. Надо не только показывать лицо врага, но и сдирать с него маску непобедимости. Апология страха никогда не определяла вершину таланта.

Я считаю нужным подчеркнуть эту мысль, и вот почему. Эпоха, в которой мы живем, самая бурная в истории и, вероятно, еще долго будет такой. Тишины, безмятежного спокойствия ждать не приходится. Принимая разные формы, надевая разные маски, в том числе и псевдореволюционные, старый мир будет и впредь стараться устрашать людей, грозить им атомными бомбами, строить тиранические тоталитарные системы. Это не литературная фантастика, а политическая действительность эпохи конца классового общества. Иначе, без бурь и катаклизмов, переход к бесклассовому обществу, очевидно, совершиться не может. Те, кто грезил о плавном, спокойном, идиллическом переходе к нему, плохо разбирались в диалектике времени. Чем технически совершеннее цивилизация, тем более грозен динамизм классовой борьбы.

Учитывать это нужно не только политикам, социологам, философам. Не может стоять в стороне от бурь и современная литература. Писатель, который

делает вид, что ничего не замечает или который действительно ничего не видит, не может быть хорошим писателем. Бегство от действительности – нечто, кстати, совершенно чуждое писательнице Бойе – никуда его не приведет. Эпоха все равно заставит его глядеть на нее; глядеть и по-своему – мыслями, образами, строфами – пересказывать увиденное читателю. То, что он перескажет и как перескажет, вызовет ли испуг, уныние или решимость действовать, важно для всего общества. Давно известно, что к писателям и поэтам оно особенно прислушивается, хотя и не всегда само знает об этом.

Сегодня над миром все еще нависают тучи. К старым прибавились новые. Мы знаем, что фашизм не умер. Он готовится еще раз испробовать эксперимент Гитлера, на этот раз с усовершенствованными средствами и с неизмеримо более страшным оружием. Когда-то, еще в начале нашего века, в романе “Когда спящий проснется” это предугадал великий фантаст Герберт Уэллс. Мы знаем, что лагерь крайнего империализма не отказывается от плана атомного покорения мира.

Угрозы с горизонта не сходят, буря не утихает. Но люди, стремящиеся к бесклассовому обществу, были и останутся сильнее фюреров. Никакой каллокаин и никакая термоядерная бомба тиранам не помо-

жет. Настоящие писатели знают это. Только те из них – будь то прозаики, фантасты или лирики, – кто не теряет веру в человека, в его неукротимость, в его будущее, по-настоящему служат его делу. Страх никогда никому не помог. Без смелости жизнь не жизнь.

Для советского читателя предлагаемый сборник представляет, на мой взгляд, немалый интерес. Тот фантастический мир, который в нем изображается, нашему человеку чужд и глубоко ненавистен. Это не жизнерадостная, смелая, оптимистическая фантастика советских писателей, в которой почти всегда ощущаешь некое влекущее, конструктивное начало; фантастика, которая своими истоками исходит еще от Жюль Верна и Герберта Уэллса. Но зато трагическая фантастика западных авторов интересна другим: социальной критикой действительности на их собственной территории. Бойе, Вале, Нильсен пишут на деле не столько о будущем нашей планеты, сколько о том, во что, по их мнению, может выродиться современный капиталистический мир.

Их фантастика отражает реальное психическое состояние многих честных людей Запада. Страх перед машиной; страх перед наукой; страх перед организацией; страх перед всем, что в руках социалистического общества превращается в великое дело для людей. Классическая марксистская мысль о том, что ка-

питализм, вступая на определенной степени своего развития в неразрешимое, зловещее противоречие с прогрессом, становится смертельным врагом общества, подтверждается по существу, пусть и в зеркале утрированной утопии, в каждом из этих романов и рассказов.

Это, конечно, никак не значит, что их авторов надо в какой-то мере отождествлять с их миром. Напротив. Они восстают против него, изобличают его, и не только в его предугадываемом ими завтрашнем виде, но и в его нынешнем состоянии, ибо будущее всегда и везде строится настоящим. Они продолжают бороться за человека так, как могут; мучительно ищут в нем что-то здоровое и непреодолимое, способное хоть как-нибудь, внутри него самого, противиться мертвой хватке чудовищного строя общества (девочка и музыкант в рассказах Нильсена, последние публицисты в романе Вале, сам изобретатель каллокаина в романе Бойе). Не всегда, может быть, сами сознавая это, они атакуют капитализм не менее страстно, чем марксисты. Пусть они делают это не так или не совсем так, как революционеры, связавшие свою судьбу с идеей коммунизма; многого не видят, многого не учитывают, многого даже не понимают. Пусть в их произведениях читатель не находит четких, ясных, уверенных мыслей о том, как же по-настоящему, всерьез сопротивляться,

как предотвратить пришествие того страшного мира, который побуждает их содрогаться. Уже то, что они рисуют этот мир так талантливо, зажигая гнев у людей, позволяет нам видеть в них союзников. Кто против прессы концерна в “Гибели 31-го отдела” Валё и фашистской Империи “Каллокаина”, тот с нами. Вот почему политический публицист вправе рекомендовать этот сборник фантастических произведений советскому читателю.